

- ³ См.: Nisbet R. Many Tocquevilles // The American Scholar. Vol. 46, № 1 (Winter 1977). P. 64.
- ⁴ См.: Дементьев И. О. Политическая теория Алексиса де Токвиля и французский либерализм первой половины XIX века : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Калининград, 2004.
- ⁵ Токвиль А. де. Демократия в Америке / пер. с фр., предисл. Г. Дж. Ласки. М., 1992. С. 6.
- ⁶ Цит. по: Craiutu A. Op. cit.
- ⁷ Kazam A. A Tocquevillean Polity? : The Mixed Regime in Tocqueville's Democracy in America. URL: <http://www.gov.harvard.edu/files/Theory%20thesis%202.pdf> (дата обращения: 22.09.2016).
- ⁸ Токвиль А. де. Демократия в Америке. С. 21.
- ⁹ Там же. С. 27.
- ¹⁰ Нерсесянц В. С. История политических учений. М., 1998. С. 479, 480.
- ¹¹ Токвиль А. де. Демократия в Америке. С. 372.
- ¹² Там же. С. 395.
- ¹³ См.: Lukes S. Equality and Liberty : Must they Conflict // Lukes S. Moral Conflict and Politics. Oxford, 1991.
- ¹⁴ Tocqueville A. de // Euvres Complètes, XVI : Mélanges / ed. Fr. Mélonio. Paris, 1989. P. 50.
- ¹⁵ Токвиль А. де. Демократия в Америке. С. 374.
- ¹⁶ С этих позиций обращаясь к реалиям наших дней, можно заметить, что одно из наиболее распространенных слов современного социокультурного и социально-политического дискурса «толерантность» (трактуемая как терпимость) также во многом объясняется не столько духовным возвышением «демократического человека», сколько свойственным ему безразличием, т. е. не уважением прав другого (иной расы, религии, сексуальной ориентации), а тем, что индивиду нет никакого дела до другого человека.
- ¹⁷ Кола Д. Политическая социология / пер. с фр.; предисл. А. Б. Гофмана. М., 2001. С. 165.
- ¹⁸ Токвиль А. де. Старый порядок и революция / пер. с фр. Л. Н. Ефимова. СПб., 2008. С. 11.
- ¹⁹ Цит. по: Kazam A. Op. cit.
- ²⁰ См.: Putnam R. D. Making Democracy Work : Civic Traditions in Modern Italy / R. Putnam, R. Leonardi, R. Y. Nonetti. Princeton, 1993. P. 88–93.

Образец для цитирования:

Ширханян С. С. Проблема соотношения свободы и равенства в политической теории А. де Токвиля // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2016. Т. 16, вып. 4. С. 482–487. DOI: 10.18500/1818-9601-2016-16-4-482-487.

УДК 329.12

ИНФОРМАЦИОННОЕ ПОДАВЛЕНИЕ ЭЛЕКТОРАЛЬНОЙ АКТИВНОСТИ

А. И. Камалетдинова

Самарский государственный университет
E-mail: alsoy08@mail.ru

В статье рассмотрены две основные трактовки роли информации в реализации электоральных процедур в современной России и обоснована авторская позиция о том, что большой объем информационного воздействия на избирателей конкурирующих электоральных субъектов формирует у граждан ощущение предопределенности результатов выборов и лишает их мотивации личного участия в голосовании.

Ключевые слова: сущность политики, выборы, политическая информация, легитимность власти, электоральная активность.

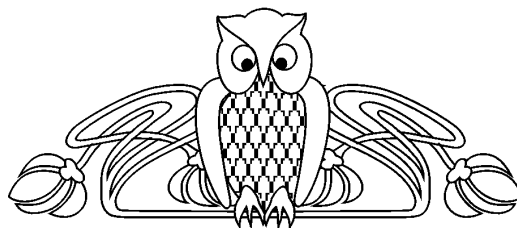
Information Suppression of Electoral Activity

A. I. Kamaletdinova

The author considers two main interpretations of the information's role in electoral procedures' fulfilment in contemporary Russia and substantiates his own point of view that a great deal of competing electoral subjects' information influence on voters forms a feeling of predetermined outcome of the elections and significantly decreases citizens' motivation to take part in voting.

Key words: an essence of politics, elections, political information, legitimacy of the government, electoral activity.

DOI: 10.18500/1818-9601-2016-16-4-487-489

Возможны различные варианты понимания сущности политики, в том числе электоральных процессов. Политику можно понимать, например, как процесс, в который включены и взаимодействуют общественные группы и государственная элита и по ходу которого происходит формирование лидерства, политической культуры элит и граждан, институтов управления политическими конфликтами и т. д. Иначе говоря, политику можно понимать как процесс исторический, долговременный, имеющий, соответственно, преобладающую объективную тенденцию. Более того, некоторые авторы акцент делают на сакральных основаниях власти, отмечая, что «современный политический процесс во многом связан с прошлым – политическая культура общества всегда опирается на традиционную политическую культуру, обуславливающую относительно стабильное воспроизведение моделей восприятия реальности и поведения»¹.

Другой подход состоит в том, что политику можно представить как «игру с нулевой суммой», в которой есть тактика, есть набор конкретных задач, подлежащих решению, но нет общей стратегии, т. е. видения ее различными участниками общей

перспективы, вероятных последствий и оптимальных путей решения этих задач. Основательный повод к целесообразности и эффективности такого подхода дает современная демократическая политика (особенно в электоральной своей части).

Оба определения работоспособны в приложении к изучению электоральных процессов в современной России. Более того, можно сказать, что именно второй вариант гораздо больше, чем первый, подходит для теоретического обобщения (концептуализации) тех фактов, которые политической науке поставляет электоральная сфера. В развитие такого взгляда на политику за последние годы было написано немало учебных пособий, диссертаций, монографий и статей, авторы которых исследовали электоральные процессы в России в разных местах и на разных уровнях политического пространства России².

Суммарный вывод, который напрашивается по прочтении этой апологетики PR – ресурсов электоральных компаний, что в современной политике ее истинное политическое качество (качество отношений между властью и обществом) полностью отсутствует. Оно заменено виртуальными имиджами и денежным ресурсом. С этой позиции мы не можем не только определить, в каком направлении движется современная политика, но и объяснить, почему год от года все хуже работают политические технологии³. Хуже не в смысле достигаемого результата. Результат получается, власть делится между субъектами электоральной политики. Хуже в том смысле, что каждый раз для достижения желаемого результата приходится менять общеполитический контекст применения этих технологий. Проще говоря, технологии, созданные для оптимального осуществления самых демократических избирательных процедур, сохраняют свою работоспособность все больше благодаря авторитарным усилиям элит и консенсусу общества и элит на почве традиционных ценностей авторитарной политики.

Не только в России, но и в мире в целом наблюдается заметное снижение электоральной активности граждан. Соответственно, падает уровень легитимности демократических институтов. Причину исследователи чаще всего видят в том, что избиратель был недостаточно вооружен информацией о предстоящей политической процедуре и потому не захотел или не смог проявить электоральную активность. Отсюда призывы специалистов по информационным аспектам политики еще более наращивать информационный ресурс политики, делать акцент на сетевых коммуникациях, способных доставить человеку максимальные объемы максимально разнообразной (на самом деле совершенно неразнообразной) информации⁴. Отсюда научная апологетика нынешних и будущих достижений электронной демократии, находящей свое практическое воплощение в государственных программах⁵.

Но ситуацию можно интерпретировать и иначе. Не случайно многие мыслители прошлого

утверждали, что в политике должна быть тайна. Именно желание узнать поподробнее (в том числе посредством участия в политических процедурах), как оно есть на самом деле, – влечет человека в политику больше, чем желание отстоять свои «естественные права». Именно поэтому людей влекло и влечет в политику даже тогда, когда это наносит очевидный вред их социальности и профессиональной статусности. В этом случае политика должна оставаться школой гражданского становления, приходя в которую, человек шаг за шагом усваивает каждый раз новые для него «предметы» и «уроки».

Однако современная либерально-демократическая политика, формально основанная на процедурах участия граждан в выборах, в условиях нынешней информационной революции в значительной степени утратила ореол таинственности и, соответственно, перестала выполнять роль такой школы гражданственности. Она стала ритуальным действием, в идеале вселяющим в граждан веру, что своим участием в голосовании они смогут изменить свой завтрашний день в лучшую сторону.

Подтверждением такой трактовки самой сути современной либеральной политики являются споры политологов о том, что такое открытая политика и что служит на практике индикатором такой открытости. Это, в сущности, вопрос о способности политики содержать в себе столько тайны, чтобы электорат не воспринимал ее, с одной стороны, как совершенно чуждую ему область интересов и практик, а с другой, в качестве естественного продолжения своих обыденных «кухонных разговоров» о политике.

Среди современных специалистов по вопросам транспарентности политических процессов и институтов существует разница мнений. Чаще всего сторонники либеральной демократии настаивают на том, что публичная политика должна быть максимально открытой, и тенденция к большей открытости знаменует развитие демократических начал в общественной и государственной жизни⁶. В случае если открытость не растет, либо убывает, то это свидетельствует о доминировании авторитарных начал. Оценки роста или убывания транспарентности и публичности политики привязаны обычно к оценкам медийной активности, масштабам распространения сетевых коммуникаций. Сам по себе такой разноразной оценок указывает на существование определенной проблемы: сколько и какой информации обществу нужно для функционирования в нормальном режиме электоральной демократии? Обязательно ли рост объемов информации, включенных в электоральный процесс, влечет за собой рост политической активности граждан, а снижение объемов ведет к их пассивности?

Может быть, ситуация складывается таким образом, что при вбросе больших объемов информации в пространство политики вообще и в электоральное пространство в частности гражданину становится в политике «понятно все». Точнее,

постоянное и в больших объемах ознакомление с политической информацией формирует у него субъективное ощущение такой «понятности». И это ощущение возникает раньше, чем он придет на избирательный участок. Получается, что ему туда незачем идти, поскольку у него более чем достаточно информации о конкурирующих на выборах политических силах, и есть возможность на основании этой информации «самостоятельно и компетентно» просчитать ожидаемый результат избирательной кампании. Для него выборы как акт гражданского самоопределения в ключевых проблемах политики уже состоялись в процессе повседневных информационных коммуникаций. В результате у гражданина исчезает интерес к узнаванию нового о политике за счет личного участия в политических процедурах, за счет обучения в «школе политики».

Часто отсутствие конкурентного начала в российской политике связывают с особыми качествами организации и участия политических партий. Это важный фактор, но не единственный по своей важности. Реальная конкуренция возможна тогда, когда в ряды партии идут рядовые граждане, движимые желанием по ходу своего непосредственного участия в партийной жизни существенно обогатить свой запас знаний и представлений о реальной политике. Если гражданин полагает, что, сидя дома за компьютером и читая политические новости, он составит для себя более широкую и достоверную картину политики, чем участвуя в партийной жизни и читая партийные программы, то такой человек перестает быть представителем сначала партийного электората, а при существовании системы выборов по партийным спискам и представителем электората вообще.

На избирательный участок приходит среднестатистический избиратель, который, как он сам считает, настолько информирован о политике, об электоральных проблемах, что самый его приход имеет смысл формальной демонстрации гражданской лояльности не столько политическим партиям и их программным идеям, сколько институтам государства и верховной государственной власти в целом. В развитии логики такой электоральной идентичности граждан перед думскими выборами в сентябре 2016 г. сам Президент РФ уговаривал граждан не пренебрегать демонстрацией своего гражданского статуса.

Кроме того, увлечение российских и зарубежных политических элит использованием медийного ресурса, идущее от их уверенности в справедливости теорий «информационного общества», лишает сами элиты интереса к выработке специфических (партийных) идентичностей. Последние выборы обнаружили странную пассивность политических партий в выборе тем, сюжетов для ведения агита-

ционно-разъяснительной работы с рядовыми гражданами. Похоже, что в данном случае сработал тот же механизм информационного подавления электоральной активности, только уже применительно к политическому участию элиты. Партии не стремились выделиться из общего ряда и предложить избирателю нечто «свое» потому, что для них эти выборы были политическим выбором, сделанным не в процессе подготовки предвыборной кампании (во временных границах, отведенных для этого законом), а много раньше. Партийный актив не стремился демонстрировать особо свою активность, поскольку результат выборов был ему в целом понятен. Понятен не вследствие каких-либо масштабных фальсификаций, а в результате обладания таким объемом информации о политической ситуации, складывающейся в стране, при котором само участие партий в предвыборной борьбе в значительной степени превращается в формально конкурентный, но на практике достаточно предсказуемый политический ритуал.

Примечания

- ¹ Вилков А. А., Захарова Т. И. Сакральные основания власти в политической жизни России. Саратов : ИЦ «Наука», 2010. С. 4.
- ² См.: Александрова Т. А. Повышение активности избирателей средствами социально-психологических методов и технологий : автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 2002 ; Байханов И. Б. Демократия, избирательные системы и избирательные технологии : учеб.-метод. пособие. М. : Проспект, 2013 ; Бызов Л. Г. Политическое сегментирование электората и идентификация участников избирательного процесса // Дайджест-Маркетинг. 1999. № 2. С. 63–81 ; Гринберг Т. Э. Политические технологии : PR и реклама : учеб. пособие для студентов вузов. М. : Аспект Пресс, 2006 ; Малкин Е., Сучков Е. Основы избирательных технологий. 3-е изд., расш., доп. М. : Рус. панорама, 2002 ; Недяк И. Л. Политический маркетинг. Основы теории. М. : Весь мир, 2008 ; Подлесный Г. И. Политические технологии в региональных избирательных процессах : автореф. дис. ... канд. полит. наук. Ставрополь, 2009 ; и др.
- ³ См.: Вилков А. А. Избирательные технологии : проблема эффективности и политических последствий // Власть. 2003. № 4. С. 17–18.
- ⁴ См.: Капель М., Киселева Э. Россия и сетевое общество // Мир России. 2000. № 1. С. 23–51.
- ⁵ См.: Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Информационное общество (2011–2020 годы)» : постановление Правительства РФ от 15.04.2014 № 313 (ред. от 17.06.2015). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
- ⁶ См., например, материалы научной дискуссии: Курюкин А. Публичный интерес, публичная политика и системная модернизация общества : российская дискуссия // Власть. 2011. № 2. С. 166–173.

Образец для цитирования:

Камалетдинова А. И. Информационное подавление электоральной активности // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2016. Т. 16, вып. 4. С. 487–489. DOI: 10.18500/1818-9601-2016-16-4-487-489.